

Zdrok, O. N. Protection of the rights and interests of minors in civil proceedings : abstr. of the diss. ... of candidate of legal sciences : 12.00.03 / O. N. Zdrok ; Belarus State Univ. — Minsk, 1999. — 20 p.

5. *Василевич, Г. А.* Право на судебную защиту / Г. А. Василевич. — Минск : Право и экономика, 2003. — 91 с.

Vasilevich, G. A. The right to judicial protection / G. A. Vasilevich. — Minsk : Law and Economics, 2003. — 91 p.

6. *Колядко, И. Н.* Участники гражданского судопроизводства. Общие положения / И. Н. Колядко // Научно-практический комментарий к Гражданскому процессуальному кодексу Республики Беларусь / Л. И. Бакиновская [и др.]. — Минск : Тесей, 2005. — 862 с.

Kolyadko, I. N. Participants in civil proceedings. General Provisions / I. N. Kolyadko // Scientific and Practical Commentary on the Civil Procedure Code of the Republic of Belarus / L. I. Bakinovskaya [et al.]. — Minsk : Theseus, 2005. — 862 p.

Статья поступила в редакцию 26.11.2019 г.

УДК 351/354:004

<http://edoc.bseu.by/>

A. Shafalovich
BSEU (Minsk)

TO THE ISSUE OF E-GOVERNMENT AS A TYPE OF STATE

The article reveals the question of the classification of the e-government (electronic state) to an independent type of the state. To resolve this issue is proposed a distinction between the technical and substantive side of the electronic state. In this context, we consider the purpose, objectives and principles and stages of building an electronic state, the relationship with similar concepts. As a result, the author comes to the following conclusions: at the initial stages of e-government development, the technical side of the issue prevails, which led to its narrow understanding as a technical solution; the advanced stage of development of the electronic state involves a wide understanding of the latter revealing significant differences from the traditional state (state in the traditional sense). All this makes it possible to identify the e-government in the broad sense as an independent subtype of the innovative state based on information and communication technologies.

Keywords: e-government; innovative government; digital economy; typology state type of the state.

А. А. Шафалович
кандидат юридических наук, доцент
БГЭУ (Минск)

К ВОПРОСУ ОБ ЭЛЕКТРОННОМ ГОСУДАРСТВЕ КАК ТИПЕ ГОСУДАРСТВА

В статье рассматривается вопрос о причислении электронного государства к самостоятельному типу государства. Для его решения предлагается разграничение технической и содержательной сторон электронного государства. В этом контексте рассматриваются цель, задачи, принципы и стадии построения электронного государства, соотношение с близкими понятиями. В результате автор приходит к следующим выводам: на начальных этапах развития электронного государства превалирует техническая сторона вопроса, обусловившая узкое понимание электронного государства как технического решения; продвинутая стадия развития электронного государства соответствует широкому пониманию последнего, выявляющему существенные отличия от традиционного государства (государства в традиционном смысле). Все это позволяет идентифицировать электронное государство в широком смысле как самостоятельный подтип инновационного государства, основанный на информационно-коммуникационных технологиях.

Ключевые слова: электронное государство; инновационное государство; цифровая экономика; типология государства; тип государства.

Цифровая реальность формирует новые институты и отрасли законодательства, уже сегодня трансформирует «традиционное» отраслевое право, задает новый дискурс в юридической науке. Одним из немаловажных, как с теоретической, так и практической сторон, является вопрос (пока не ставший предметом отдельного научного изучения) о рассмотрении электронного государства в качестве самостоятельного типа государства. В данной статье предлагается авторское решение указанного вопроса.

Во-первых, определимся с ключевым понятием. Массу авторских определений электронного (цифрового) государства можно сгруппировать по двум подходам. Первый подход понимает электронное государство узко, концептуально почти отождествляя его с простой информатизацией и автоматизацией государственного сектора. Например, С. В. Тихонова рассматривает электронное государство как совокупность сетевых сервисов по предоставлению публичных услуг и правовой информации в онлайн-режиме, а также электронных платформ, которые обеспечивают деятельность базовых ветвей государственной власти [1]. В каких бы ипостасях ни выступало электронное государство (как средство коммуникации между обществом и государством; как модель деятельности государства в условиях модернизации государственного аппарата; как поддержка экономического, правового, политического, административного и гражданского единства страны; как возможный альтернативный способ оказания государственных услуг в электронной форме; как система управления государственным аппаратом власти, которое осуществляется в электронной форме [2, с. 33, 34]), в узком понимании оно не может претендовать на место в типологии государств.

Второй подход, широкий, пока намного слабее выражен в научных источниках, что и понятно, поскольку он пытается выразить сущностные, типологические черты нового глобального явления, зарождающегося на наших глазах, пришедшего, как нам видится, на смену «традиционному» государству (государству в традиционном понимании). Несмотря на то что концепция «электронного государства» появилась в западных странах не так давно, с конца 1990-х гг. [3, с. 137–138], уже сейчас заметна утрата «традиционным» государством казалось бы незыблемых признаков. Так, из трех слагаемых государства в понимании арифметической концепции (власть, территория и население) под воздействием «массовых экстерриториальных перемещений людей, капиталов, товаров и информации» [4] существенные изменения претерпели как минимум два последних слагаемых. Очевидно «сокращение суверенитета» [5, с. 25], который становясь трансграничным и экстерриториальным, перемещается из территориального в информационное поле. В связи с чем «характеристика суверенитета как контроля с привязкой к территории государства на сегодняшний день исчерпала свою ценность» [4]. Развитие электронного государства дает «возможность использования соответствующих сервисов ...для иностранных граждан и лиц без гражданства» [2, с. 37], т.е. ослабевает еще один существенный признак «традиционного» государства — гражданство.

Последним оплотом «традиционного» государства как типа государства пока остается власть, которая сегодня адаптирует инновационные механизмы для максимально долгого сохранения собственного статус-кво, тем самым пока избегая сущностных изменений. Но и она неизбежно будет модифицирована. Это вопрос времени. И главным трансформатором государственной власти, по нашему убеждению, становится именно электронное государство. Учитывая экспоненциальный рост цифровых технологий, мы даже пока не можем предположить степень модификации государства в более позднюю цифровую эпоху. Сеем предполагать, что в отдаленной перспективе электронное государство, способно стать «могильщиком» государства как общепланетарного способа организации общества.

Насколько различаются узкое и широкое понимание электронного государства, настолько отличимы и их цели. Цель электронного государства в широком смысле можно представить как трансформацию государственного организованного общества (дальняя цель) с целью кардинального повышения ее эффективности и адекватности вызовам общественного развития.

Целью электронного государства в узком смысле выступает формирование и обеспечение единого полиструктурного процессора, системно объединяющего все сетевые средства связи, информационные системы разных уровней и обеспечивающего технологии взаимодействия в рамках государственного механизма.

Во-вторых, для решения вопроса об электронном государстве как типе государства нужно различать техническую и содержательную стороны.

К техническим характеристикам электронного государства отнесем: доступ к информации о деятельности государственных органов в электронной форме; предоставление государственных услуг в электронной форме; электронное взаимодействие государственных органов, органов местного самоуправления, организаций и заявителей с использованием информационно-коммуникационных технологий (далее — ИКТ), включая использование единого портала государственных услуг; обеспечение единого информационного пространства и суверенитета государства.

Среди содержательных характеристик электронного государства, в корне отличающихся от «традиционных» государств, назовем: постоянную модернизацию и инновативку; усиление элементов саморегулирования в механизме правового регулирования и элементов самоуправления в механизме государственного управления; расширение сферы действия непосредственной демократии; отказ от фактической государственной монополии во многих «исконных» сферах прямого государственного влияния; переход к частно-государственному партнерству; изменение соотношения управления и самоуправления, централизации и децентрализации в сторону упрочения последних [6, с. 80]. Эти характеристики соответствуют принципу «государство — для народа».

Соответственно техническими задачами электронного государства считаем: интерактивное участие среди первых лиц государства в принятии решений; информационную безопасность личности (защита персональных данных, авторских прав и т.д.), общества и государства; обеспечение равноправия в информационном обществе; разгосударствление; результативность (инструменты, применяемые органами власти, должны обеспечивать повышение объемов и качество работы, а по итогам работы систем электронного государства должен быть результат, который можно измерить и сравнить с предыдущими показателями); повышение достоверности, полноты информации, необходимой для процессов государственного управления; уменьшение сроков предоставления информации (сокращение времени исполнения поручений, запросов, решений, ответов на обращения граждан и на пересылку корреспонденции между ведомствами).

К содержательным задачам электронного государства относятся: качественное изменение государственного управления; большая ответственность государственных органов; стимулирование экономики; прозрачность и открытость работы государственного сектора (для кардинальной де бюрократизации и ликвидации коррупции информация должна быть понятной и содержательной для всех групп пользователей); интерактивное участие гражданского общества и его институтов, физических и юридических лиц в деятельности государства.

В данном контексте в принимаемых в Республике Беларусь мерах по развитию электронного государства очевиден перевес технической стороны над содержательной. Поэтому ближайшей задачей мы видим необходимость уравновесить техническую сторону построения электронного государства ценностным наполнением норм белорусского законодательства идеями электронного инновационного правового социального госу-

дарства, в первую очередь системным внедрением общественного контроля и частно-государственного партнерства.

В отсутствие вышеуказанных элементов, без ценностной слагаемой нет оснований даже для постановки вопроса о новом типе государства, поскольку «в ряде случаев новые технологии способны... лишь придавать ему (государству — Ш.А.А.) видимость «осовременивания», на деле автоматизируя ненужные процедуры, имитируя взаимодействие власти и общества» [7, с. 4]. Неслучайно «в Российской Федерации электронное правительство зачастую остается некоей формой, не трансформирующей содержание управленческой деятельности, и это препятствует достижению ожидаемого прироста эффективности государственного управления» [8, с. 4–5]. «В России на современном этапе за процесс создания «электронного правительства» выдается простая информатизация и автоматизация государственного сектора» [9, с. 12–13].

Как мы отмечали в своих публикациях ранее, создание электронного государства в полном смысле это не столько информационно-коммуникативное технологическое решение в исполнительной («электронное правительство»), законодательной («электронный парламент») и судебной власти («электронное правосудие»), в сфере народовластия («электронная демократия»), сколько процесс, меняющий всю существующую парадигму, на которой зиждется нынешнее государство [6, с. 76].

В-третьих, ответ на вопрос о наличии самостоятельного типа государства — электронного государства — также связан с этапом его развития.

Процесс формирования электронного государства можно делить на стадии: на начальной стадии (нынешней) превалирует техническая сторона, позже проявляется содержательная. Превалирование информационно-автоматизационного аспекта в построении электронного государства и его, соответственно, узкое понимание характерно лишь начальному (нынешнему) периоду его формирования, когда еще не проявились в полную силу иные изменения, следующие за технической инноватикой. А именно когда технические новации еще не изменили самую сердцевину государства — его власть. Последние этапы развития электронного государства (в весьма далекой перспективе) нам видятся как «растворение» государства в традиционном понимании как такового, переход к общественному самоуправлению или иной, не ведомой пока форме управления обществом.

Например, профессор Л. В. Голоскоков продвигает идею виртуального (сетевое) государства как «государства нового типа»: оно не будет иметь территории и многих обязательных институтов обычного государства: армии, полиции, таможи и множества других институтов и органов, присущих почти любому государству [10, с. 41–49]. Согласно Л. В. Голоскокову, структура нового государства будет в большей степени подобна сети и в меньшей степени обычному государству: иерархическая вертикаль управления, методы его строительства будут сетевыми. Полагаем, сетевое виртуальное государство в таком понимании типологически можно рассматривать частным проявлением электронного государства более позднего периода.

Этапность развития электронного государства [11, с. 24–27] заметна на примере принципов прозрачности/открытости в его деятельности. Полагаем, есть все основания для их различения. Принцип прозрачности свойственен начальной стадии формирования электронного государства и подразумевает опосредованный (вначале ограниченный) доступ к информации о деятельности органов публичной власти, а затем свободный доступ граждан, общественных объединений и иных институтов гражданского общества к информации о деятельности любых государственных структур в электронной форме (с общедоступных источников) и получение негосударственными субъектами государственных услуг в онлайн-режиме. К слову, пока для Республики Беларусь характерен низкий показатель доступа к государственной информации. Переход от принципа прозрачности к принципу открытости происходит постепенно, с увеличением числа субъектов и объектов общественного контроля.

Принцип открытости свойственен «продвинутому» электронному государству и означает допуск негосударственных субъектов к участию в государственном электронном управлении в форме прямого участия в процессах формирования и экспертизы решений, принимаемых структурными подразделениями государственного сектора, а также в форме контроля за их исполнением. Тем самым физические и юридические лица из объекта государственной власти превращаются вначале в пассивного потребителя государственных информационных услуг, а далее становятся активными участниками государственного управления и правового регулирования.

Последовательная реализация принципа открытости трансформирует государственное управление (из закрытой, инертной и жестко структурированной системы принятия решений в открытую гибкую, динамичную систему, готовую к системной работе над ошибками, а потому лучше адаптированную к вызовам современности). Прозрачность работы государственного сектора в свою очередь обеспечит кардинальную деbüroкратизацию, а значит, и ликвидацию коррупции, существенно улучшит показатели эффективности, в том числе экономичности деятельности государства и большей ответственности государственных органов и их должностных лиц перед народом. В конечном счете общественный контроль за деятельностью государственных структур в эпоху электронного государства повышает доверие к государственной власти со стороны подвластных и легитимирует ее.

Можно обозначить вектор развития социального контроля в электронном государстве как поступательное движение от принципа прозрачности к принципу открытости, от субординарной к субсидиарной ответственности за развитие общества.

В силу доминирующего сегодня узкого понимания электронного государства правоведы не видят оснований для причисления электронного государства к самостоятельному типу. Так, Ю. А. Гаврилова и И. Н. Фалалеева полагают, что «электронное государство вряд ли можно оценивать как новый тип государства. Напротив, оно называется электронным, потому что основано на оптимизации форм и методов осуществления его функций в конкретно исторический момент — с использованием качественно новых знаний и достижений информационной эпохи в формате «открытого» или «электронного» правительства» [12, с. 16].

С. В. Тихонова пишет, что из сущностной природы электронного государства следует, что оно является результатом эволюции конституционного социально-правового государства в эпоху становления информационного общества [1, с. 4–8]. Другими словами, электронное государство, согласно С. В. Тихоновой, — типологически соотносится с социальным правовым государством, что экономически и социально неверно. Эпоха социального и тем более правового государства — это эпоха индустриальной и постиндустриальной экономики, но никак не цифровой экономики, если понимать ее широко как новый вид экономики, основанный на цифровых технологиях, принципиально изменяющий структуру, условия и объектно-субъектный состав общественных отношений (о последнем писал В. Н. Лопатин [13, с. 39–40]). К слову, первоначально в отношении цифровой экономики также превалировало ее узкое, «технологическое» понимание.

Социальной основой электронного государства выступает информационное общество. Таким образом, экономическая и социальная основа для выделения самостоятельного типа государства — электронного государства — имеется. Казалось бы, положительный ответ об электронном государстве как самостоятельном типе государства решен. Но в понятии электронного (цифрового) и инновационного государства совсем по-иному расставляются акценты.

Так, инновационным мы считаем государство, обладающее стратегически инновационной функцией, т.е. государство, основанное на знаниях, новых достижениях науки и техники, активное внедрение которых является главной движущей силой развития государственно организованного общества. Из этого следует соотношение понятий

электронного и инновационного государства как части и целого, поэтому концептуальные основы у них одни. Различаются лишь технические стороны. Техническая сторона электронного государства касается ИКТ, в то время как инновационные технологии могут быть, например, центрированными не информацией, а сознанием или чем-то еще, на чем основаны инновации.

Подводя итог вышесказанного, отметим: на начальных этапах развития электронного государства превалирует техническая сторона вопроса, обусловившая его узкое понимание как технического решения без претензий на место в типологии государства. Продвинутая стадия развития электронного государства влечет широкое понимание последнего и выявляет существенные отличия от «традиционного» государства (государства в традиционном смысле). Однако мы не можем говорить об электронном государстве как самостоятельном типе государства, поскольку техническая сторона соотношения электронного и инновационного государства позволяет идентифицировать электронное государство в широком смысле лишь как самостоятельный подтип инновационного государства, основанный на информационно-коммуникационных технологиях. В полном смысле новым типом государства, антиподом «традиционному» государству, выступает инновационное государство. Однако полагаем, что можно говорить о начавшейся эпохе электронного государства, которое в далекой перспективе способно видоизменить «традиционное» государство, вплоть до перехода к новым формам управления обществом.

Источники

1. Тихонова, С. В. Электронное государство: теоретическая модель и этап государствогенеза / С. В. Тихонова // Информ. право. — 2014. — № 6. — С. 4–8.
Tikhonova, S. V. Electronic state: theoretical model and stage of state Genesis / S. V. Tikhonova // Inform. law. — 2014. — № 6. — P. 4–8.
2. Киселев, А. С. Современные теоретические подходы к понятию электронного государства / А. С. Киселев // Актуал. пробл. рос. права. — 2018. — № 6. — С. 32–39.
Kiselev, A. S. Modern theoretical approaches to the concept of electronic state / A. S. Kiselev // Actual Problems of Russ. Law. — 2018. — № 6. — P. 32–39.
3. Азизов, Р. Ф. Проблема соотношения терминов «электронное правительство» и «электронное государство» в современном информационном праве / Р. Ф. Азизов // Вестн. Владимир. юрид. ин-та. — 2014. — № 4 (33). — С. 135–143.
Azizov, R. F. The problem of correlation of the terms «electronic government» and «electronic state» in modern information law / R. F. Azizov // Bull. of the Vladimir Law Inst. — 2014. — № 4 (33). — P. 135–143.
4. Пазюк, А. Трансформация концепции государственного суверенитета в условиях глобального информационного общества [Электронный ресурс] / А. Пазюк // Digital.Report. — Режим доступа: <https://digital.report/transformatsiya-gosudarstvennogo-suvereniteta>. — Дата доступа: 08.11.2018.
Pazyuk, A. Transformation of the concept of state sovereignty in the global information society [Electronic resource] / A. Pazyuk // Digital.Report. — Mode of access: <https://digital.report/transformatsiya-gosudarstvennogo-suvereniteta>. — Date of access: 08.11.2018.
5. Гринин, Л. Е. Что происходит с суверенитетом в век глобализации / Л. Е. Гринин // Вестн. Рос. ун-та Дружбы народов. Сер. Междунар. отношения. — 2007. — № 1. — С. 22–27.
Grinin, L. E. What happens to sovereignty in the age of globalization / L. E. Grinin // Bull. of RUDN Univ. Ser. Intern. relations. — 2007. — № 1. — P. 22–27.
6. Шафалович, А. А. Концептуальные основы электронного государства / А. А. Шафалович // Проблемы развития информационного права на современном этапе : материалы круглого стола, Минск, 21 июня 2018 г. / Белорус. гос. ун-т ; редкол.: Г. А. Василевич (отв. ред.) [и др.]. — Минск, 2018. — С. 76–81.
Shafalovich, A. A. Conceptual foundations of the electronic state / A. A. Shafalovich // Problems of information law development at the present stage: materials of the round table, Minsk, 21 June 2018 / Belarus State Univ. ; editorial board: G. A. Vasilevich (execut. ed.) [et al.]. — Minsk, 2018. — P. 76–81.
7. Кашина, Е. А. Формирование электронного правительства в Российской Федерации: социально-политический аспект : дис. ... канд. полит. наук : 23.00.02 / Е. А. Кашина. — М., 2009. — 155 л.

Kashina, E. A. Formation of e-government in the Russian Federation: socio-political aspect : diss. ... of candidate of polit. sciences : 23.00.02 / E. A. Kashina. — Moscow, 2009. — 155 sh.

8. *Солодов, В. В.* Электронное правительство как инструмент трансформации государственного управления : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / В. В. Солодов. — М., 2007. — 136 л.

Solodov, V. V. Electronic government as a tool of transformation of public administration : diss. ... of candidate of law sciences : 12.00.02 / V. V. Solodov. — Moscow, 2007. — 136 sh.

9. *Григорьев, П. В.* «Электронное правительство» в политико-административном управлении современной России : дис. ... канд. полит. наук : 23.00.02 / П. В. Григорьев. — Ярославль, 2009. — 192 л.

Grigoriev, P. V. «Electronic government» in the political and administrative management of modern Russia : diss. ... of candidate of polit. sciences : 23.00.02 / V. V. Solodov. — Yaroslavl, 2009. — 192 sh.

10. *Голоскоков, Л. В.* Доктрина виртуального сетевого инновационного государства / Л. В. Голоскоков // Новая правовая мысль. — 2014. — № 1. — С. 41–49.

Goloskokov, L. V. Doctrine of virtual network innovative state / L. V. Goloskokov // New legal thought. — 2014. — № 1. — P. 41–49.

11. *Демпси, Дж.* Электронное правительство и его выгоды для широких масс / Дж. Демпси // Государственное управление в переходных экономиках : ежеквартальное издание программы «Инициатива реформирования местного самоуправления и государственных услуг» / Ин-т открытого о-ва. — М., 2003. — С. 24–27.

Dempsey, J. E-government and its benefits for the masses / J. Dempsey // Public administration in transition economies : a quarterly publication of the program «Initiative for reforming local government and public services» / Open Society Inst. — Moscow, 2003. — P. 24–27.

12. *Гаврилова, Ю. А.* Концептуально-правовые основы электронной России / Ю. А. Гаврилова, И. Н. Фалалеева // Вопр. Рос. и междунар. права. — 2018. — Т. 8, № 12А. — С. 7–16.

Gavrilova, Yu. A. Conceptual and legal foundations of electronic Russia / Yu. A. Gavrilova, I. N. Falaleeva // Questions of Russ. and Intern. Law. — 2018. — Vol. 8, № 12A. — P. 7–16.

13. *Лопатин, В. Н.* Информационная безопасность в электронном государстве / В. Н. Лопатин // Информационные технологии и право (Правовая информатизация — 2018) : сб. материалов VI Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 17 мая 2018 г. / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь ; под общ. ред. Е. И. Коваленко. — Минск, 2018. — С. 39–49.

Lopatin, V. N. Information security in the electronic state / V. N. Lopatin // Information technologies and law (Legal Informatization-2018) : coll. of materials of the VI intern. sci. and practical conf., Minsk, 17 May 2018 / Nat. center for legal inform. of the Rep. of Belarus ; under the gen. editorship of E. I. Kovalenko. — Minsk, 2018. — P. 39–49.

Статья поступила в редакцию 11.12.2019 г.

УДК 351.746.1+342.95

<http://edoc.bseu.by/>

A. Sherstobitov
BSEU (Minsk)

ENSURING OF TOURIST FORMALITIES BY BORDER SERVICE: ADMINISTRATIVE AND LEGAL ASPECT

The article analyzes the problems of ensuring tourist formalities by the border service of the Republic of Belarus. In the article is studied the complex of administrative and legal norms aimed at protecting the rule of law while crossing the state border at checkpoints by tourist groups and individual tourists and ways to ensure tourist formalities. The results of the study allow us to determine the prospects for the development of national legislation in the field of optimizing the work of border service at checkpoints of the Republic of Belarus.

Keywords: administrative offenses; administrative responsibility; visa control; border guards; border service; sanitary-quarantine control; tourist formalities.